

Современники о «Бархатных революциях»

*Интервью «Вишеградской Европы»
с Ежи Корнасем*

- © **Ежи Корнась** – профессор, заведующий кафедрой политических наук Краковского экономического университета (КЭУ) (до 30 сентября 2019 г.); доктор политических наук (Ягеллонский университет, 1982 г.), доктор гуманитарных наук в области политологии – политической мысли (Вроцлавский университет, 1997 г.). На Кафедре политических наук КЭУ работает с 1974 г. Член Сената и издательского комитета КЭУ; с 2012 г. – представитель ректора КЭУ по вопросам образования; член сената Педагогического университета в Варшаве имени Януша Корчака; член Польского общества политических наук; главный редактор журнала «Krakowskie Studia Małopolskie».

У нас в России, да и в европейских кругах, склонных к «разрядке» в отношениях с Москвой, бытует мнение, что процессы, начавшиеся в СССР с приходом к власти Горбачева, способствовали успеху «бархатных революций». Каково было отношение к «перестройке» в Вашей стране и в Восточной Европе в целом? Знали ли что-то о Ельцине и его противостоянии с Горбачевым? Ожидалось ли, что реформы в СССР могут «ослабить хватку» Москвы и открыть путь к воплощению собственных планов? И почему, на Ваш взгляд, реформы в России «захлебнулись»?

Разделение европейских стран на две разные общественно-политические системы в рамках т.н. холодной войны привело к тому, что изменения, которые могли происходить в обоих существовавших тогда политических блоках: в капиталистическом, во главе с Соединенными Штатами как наиболее сильным государством в экономическом и военном плане, или же в социалистическом (в т.н. странах реального социализма, ныне называемых коммунистическими) во главе с Советским Союзом как государством, создавшим эту систему после Второй мировой войны, не могли иметь глубокого влияния без согласия на то или молчаливого согласия сил, которые были решающими в обоих блоках. Печальный опыт стран Центральной Европы — Венгрии в 1956 году — или интервенции войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году — доказал, что любые системные изменения или реформы, проводимые странами Восточной Европы наперекор СССР, не могут быть успешными. Другими словами, если системные изменения не включали в себя государства с наибольшим экономическим и военным влиянием в своем блоке, осуществление реформ, ведущих к этим изменениям, было обречено на провал или, возможно, на их существенное ограничение. Поэтому представляется правильным мнение, разделяемое многими польскими политологами, что без гласности и перестройки Горбачева радикальные реформы в направлении демократии и рыночной экономики не принесли бы желаемых результатов или имели бы иной, более конфликтный характер.

Однако сложно оценить влияние конфликта между Ельциным и Горбачевым на ситуацию в то время. Я считаю, что это было также важно с точки зрения ослабления позиций СССР в самом социалистическом лагере, неким оберегом от превращения его в Российскую Федерацию. Это, конечно, ослабило т.н. централизм власти в Москве и дало сильный стимул ослабить связи отдельных республик с советским центром. На рубеже 1989–1990 годов я проходил шестимесячную стажировку в МГУ им. М. Ломоносова и наблюдал транслировавшиеся тогда по телевидению дискуссии вокруг проблем, стоявших в то время перед властью. Создава-

лось впечатление, что если в Советском Союзе существовали требовавшие безотлагательного решения политические и социально-экономические проблемы, а в правящей КПСС копились внутренние разногласия и нарастали идеологические споры по поводу судеб социализма в Восточной Европе, то эти процессы должны были неизбежно «ослаблять объятия» Москвы по отношению к остальным членам восточного блока. В такой ситуации последние имели возможность сформулировать и реализовать свои собственные планы радикальных политических и экономических преобразований и не бояться возможного внешнего вмешательства. Примером этого является в целом мирный ход «бархатных революций», за исключением в начале лишь Румынии, не связанной напрямую с социалистическим блоком. Я использовал термин «собственные планы», но последующий ход трансформаций показал, что это была лишь адаптация норм альтернативной, капиталистической системы либеральных демократий.

Нелегко ответить на вопрос, почему реформы в России «утонули» («погрязли»), точнее, пошли другим путем, нежели в странах Восточной Европы. Направление реформ, принятое Россией, было более сложным и было связано, не только с тем, как это было декларировано в других странах, — с восстановлением суверенитета или даже независимости фактически зависимых от СССР государств, что позволило мобилизовать сторонников перемен в их собственных странах. В случае СССР это было связано с постепенной утратой позиции мировой державы, с угрозой ее распада в результате растущих межнациональных конфликтов во времена Союза, а также уже позже — в Российской Федерации — с политикой международных компаний, угрожавших ее экономическому суверенитету. Наконец, многое объяснялось отсутствием либерально-демократической традиции, столь характерной для Западной Европы и США. Это, на мой взгляд, только наиболее важные из множества причин. Россия характеризуется в Польше и в других государствах как олигархическая страна, представляющая угрозу суверенитету Центральной и Восточной Европы, что, как я подозреваю, снижает уровень возможностей для укрепления демократии; а экономические санкции, наложенные на Россию вследствие аннексии Крыма и последовавшего конфликта, в еще большей степени способствуют ее изоляционизму и как результат росту в стране симпатии к сильной (автократической) власти. Нельзя не упомянуть и о значении международной политики США, которая все еще пытается превратить демократию, права и свободы человека и гражданина в инструмент подчинения России.

Были ли восточноевропейские революции в целом, ожидаемы, ощущалось ли их приближение, или события застали «революционеров» врасплох?

С расстояния в более чем 30 лет, ответ на вопрос о предсказуемости восточноевропейских революций несложен. Процессы эмансипации и политического участия общества в осуществлении власти, провозглашенные в официальной марксистско-ленинской доктрине, рано или поздно должны были привести к сопротивлению и бунту из-за отсутствия значительного прогресса в этом отношении в Польше и в других странах бывшего социалистического лагеря. В Польше они носили характер социальных и политических конфликтов, возникавших циклически между рабочими и властью (забастовки в Познани в октябре 1956 года, протесты студентов в марте 1968 года, забастовки в Гданьске и Щецине в декабре 1970 года, протесты в Радоме в июне 1976 года и, наконец, в августе 1980 года на Гданьской верфи, которые затем распространились на всю страну). Способы их решения правящей партией (обычно с применением силы) и попытки частичной реализации заявленных требований (чаяний) в конечном итоге не разрешили реальных причин этих конфликтов. Я считаю, что в августе 1980 года самой большой проблемой, разделившей власть и общество, стал конфликт структурного характера. Его нельзя было решить при помощи лишь небольших уступок со стороны властей. Он требовал системных изменений, которые в то время было невозможно осуществить эволюционным путем в связи с прогрессивным характером требований со стороны оппозиции. Чтобы сохранить политический и системный статус-кво и уберечь страну от внешнего вмешательства, необходимо было 13 декабря 1981 года ввести на территории Польши военное положение. Я полагаю, что после введения военного положения значительная часть польского общества ожидала и стремилась к системным изменениям, о чем свидетельствует отказ от вынесенных в 1987 году тогдашними властями на референдум вопросов относительно поддержки объявленных глубоких политических и социально-экономических реформ в рамках существующей социалистической системы. Зарождалось ощущение, что перемены (революция) неизбежны. Однако не было понятно, когда и в какой именно момент это произойдет. В Польше соглашения «круглого стола», выборы в контрактный сейм в июне 1989 года и назначение первого некоммунистического правительства в августе того же года стали политическими событиями, которые привели к системным изменениям практически революционными темпами.

Воспринималась ли западная модель как безоговорочно приемлемая?

Модель западной плюралистической политической системы в Польше в 1980-х годах была очень популярна в самых широких кругах общества, прежде всего среди интеллигенции. Однопартийная система или гегемонистская партийная система, а также реализованная здесь в послевоенные годы автократическая система явно потеряли свою политическую легитимность. Напротив, западный плюрализм тогда воспринимался как самая демократическая и либертарианская политическая система, тем более что в европейской действительности он проявлялся в различных институциональных вариантах. Государство, управляемое и основанное на руководящей и ведущей роли марксистско-ленинской партии, в то время казалось политически нерепформируемым и экономически неэффективным. Во второй половине 1980-х годов в кругах реформаторов из польской коммунистической партии появились идеи т.н. социалистического плюрализма, но они не были широко известны, да и в то время общество мало им доверяло.

Представления о реформах. Что, на Ваш взгляд, следовало реформировать в первую очередь? Насколько нынешнее состояние общества сошлось с представлениями реформаторов?

В Польше, по крайней мере, в конце 1980-х годов сформировались два направления реформ. Одно из них было направлено на реформирование реального социализма, в том числе в вышеупомянутой концепции социалистического плюрализма, дополненной элементами программы «Самоуправляющаяся Республика Польша» от 1-го Национального конгресса NSZZ Solidarność. Формально это направление не ставило под сомнение идею социалистического государства и в долгосрочной перспективе могло привести к его демократизации без упразднения общественной собственности на средства производства (рабочего самоуправления) в экономике, но при введении рыночных механизмов и уравнивания в правах частной собственности как необходимого условия развития частного предпринимательства. Второе направление обращалось к идее плюралистической демократии и рыночной экономики, избегая, однако, в то время понятий «капиталистическая экономика» и «капитализм» как основ социально-экономической системы. Политические события в Польше в 1989 году, особенно отход от принципа руководящей роли Польской объединенной рабочей партии после договорных выборов, ускорили процесс трансформаций в направлении адаптации западной демократии и свободной рыночной экономики. США и западные страны оказали влияние на эти изменения и их на-

правление, что, конечно, значительно ускорило темпы приватизации и рыночных реформ.

Какая из сфер реформирования видится более успешной и какая менее?

Рыночные и демократические реформы, которые были проведены в Польше после 1989 года, воспринимались, прежде всего, как необходимость, которая должна была привести к ликвидации неэффективной плановой социалистической экономики, отказу от партийной автократии в пользу политического плюрализма, что позволило бы расширить участие общества в процессе осуществления и контроля власти. Эти две области реформ в то время не были лидерами дискуссии, но они были в центре устремлений большинства. Считалось, что они являлись главным условием развития демократии по западной модели, которая устоялась исторически. В настоящее время это направление развития не подвергается сомнению, и, если возникают такие альтернативы, как национализм или популизм, то они рассматриваются скорее как элементы критики политической демократии и не отрицают непосредственно рыночную экономику. Негативным следствием реформ, которые новые политические элиты считали неизбежными, было возросшее социальное неравенство и массовая безработица, которая подскочила уже на начальном этапе трансформации. Они стали главной причиной социальных и политических конфликтов, которые, тем не менее, могли быть решены правящими кругами путем компромиссов и взаимных уступок без необходимости прибегать к насилию. Более того, для поляков открылись западные рынки труда, где одна и та же работа обычно оплачивалась лучше, чем в Польше. Это во многом смягчило тяжесть конфликтов между властью и обществом.

Как представлялось будущее страны? Сразу же как части Евросоюза или поначалу все же были и центральноевропейские планы?

Будущее страны чаще всего представлялось как возвращение к западной традиции. Возможно, не сразу после решающего прорыва, но очень рано осознали, что лучшей альтернативой для Польши будет начало процесса вступления в Европейский Союз. Сильную поддержку этой идее оказали «институциональные левые», определяемые политическими оппонентами как «посткоммунисты» и под властью которых, собственно, Польша вступила в Европейский Союз. Тогда некоторыми новыми элитами рассматривались и концепции строительства Центральной Европы под эгидой Польши. Однако они не опирались на согласованные и официальные политические программы, а представляли собой своего

рода исторический протест, опирающийся на ягеллонские концепции. Впрочем, они неприемлемы для других стран.

Была ли вера в Центральноевропейскую инициативу? Как поначалу воспринималось Вишеградское взаимодействие? Насколько сильны были региональные связи/симпатии оппозиционеров?

С самого начала Вишеградское сотрудничество не рассматривалось как альтернативная идея по отношению к концепции интеграции с Европейским Союзом, а скорее было создано как укрепление общих устремлений, в то время ещё трех стран, к европейской интеграции. Вероятно, в первый период это была попытка сохранения взаимного политического и экономического сотрудничества после развала Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Региональные связи между государствами были не очень сильными, и предыдущие симпатии лидеров оппозиции (Л. Валенса, В. Гавел, Дж. Анталл) не были достаточным связующим элементом, который мог бы привести к созданию отдельной международной структуры, подобной ЕС. Свидетельством этого является распад Чехословакии и параллельное участие Польши в т.н. Веймарском треугольнике.

Как виделись взаимоотношения с СССР/Россией? Была ли вера в возможность совместного выхода из коммунизма, и когда она угасла?

После 1989 года, когда к власти в Польше пришла оппозиция, отношения с СССР, а затем и с Российской Федерацией стали очень сложными. С одной стороны, еще почти два года существовал Советский Союз, президентом которого был М. Горбачев, воспринимаемый в Польше как современный политик и лидер крупнейшего государства в Восточной Европе, с другой — внутренние трудности, связанные с экономическим застоем и относительно поздним объявлением гласности и перестройки, мешали Горбачеву возглавить перемены, ведущие к выходу из коммунизма. Кроме того, М. Горбачев, как до этого в Польше генерал В. Ярузельский, программно ставил перед собой целью не выход из коммунизма, а его политическое и экономическое реформирование. Важно отметить и то, что оппозиция в Польше, возникшая из NSZZ Solidarność, не доверяла своему восточному соседу, а ее радикальные течения в конце 1989 года открыто провозглашали лозунги о восстановлении независимости Польши, аннулируя в ее исторической политике все позитивные достижения Польской Народной Республики, а, следовательно, и возможность поддерживать партнерские отношения с Россией. В крайних случаях они рассчитывали на развал РФ и возвращение Польши к прометеевским идеям по отношению к востоку.

Отношения с ЕС: насколько они далеки от идеала, и как видится роль Польши в этой интеграции?

В политической реальности идеальные отношения между государствами встречаются редко, если вообще возможны. Их основой, если не основным определяющим фактором, являются интересы, определенные правительствами тех или иных стран, которые не всегда сходятся, а часто даже противоречат друг другу. Примером этого являются и отношения с Европейским Союзом. Вопрос о том, каким должен быть Союз и какова его роль для Польши, является предметом споров среди польских политических партий. С формальной точки зрения наиболее важные отношения регулируются договорами ЕС, но конкретные отношения между странами ЕС и его институтами являются результатом политики, проводимой государствами, которые являются его частью. Польша по-прежнему занимает значительную позицию в Европейском Союзе, хотя в течение нескольких лет существовала напряженность, связанная с отходом или игнорированием некоторых общих ценностей ЕС правящими кругами. Примером может служить проблема соблюдения правопорядка в Польше в связи с политизацией Национального совета судебной власти, Конституционного суда или с созданием дисциплинарной палаты в Верховном суде. Все эти решения вызвали обеспокоенность политиков ЕС и его органов (Парламент ЕС, Европейская комиссия).

Отношение к ныне происходящему в Центре Европы: американцы, китайцы, русские... или все же вера в ЕС и НАТО преобладает над опасениями о повторении «чрезмерной опеки» над регионом со стороны какой-либо из «держав»?

В настоящее время существуют мнения о возможности выхода Польши из Европейского Союза, т.н. Polexit, но они не носят характера тенденции, которая могла бы изменить позитивное отношение поляков к ЕС. Некоторые круги, ратующие за ослабление отношений с Европейским союзом, выступают не столько за то, чтобы фактически покинуть эту организацию, сколько за ограничение дальнейшей интеграции в самом Союзе. В последние годы отдаление от ЕС было представлено правыми течениями, в том числе нынешними правящими кругами. Судя по своей внешней политике, они уделяют больше внимание тесным отношениям с США и НАТО, проявляя меньший интерес к делам внутри ЕС и отношениям с соседними странами. Представители этого круга считают политику России самой большой угрозой в регионе, но они пока не сформулировали официально свои подозрения как опасение перед возвращением России, которое они усматривают в «чрезмерной заботе о регионе». В настоящее время, возможно, такой способ восприятия правящими кругами

российской политики в отношении региона является одним из решающих факторов, способствующих интенсификации отношений с США и НАТО.

Ощущаются ли различия между национальными/центральноевропейскими ценностями и общеевропейскими / трансатлантическими?

Национальные ценности не должны восприниматься как противоположные ценности по отношению к другим народам. При прямом взаимодействии между государствами они не являются решающим фактором, определяющим нынешние отношения между нациями. Я даже сомневаюсь, существуют ли, помимо исторических, культурных и геополитических различий, центральноевропейские, общеевропейские и трансатлантические ценности. Эти термины больше относятся к геополитике и предполагают, что народы, населяющие эти регионы, помимо собственных специфических ценностей, также имеют общие ценности. В эпоху глобализации, даже если мы подтвердим существование таких ценностей, нынешние цивилизационные процессы, безусловно, приведут к унификации и их размыванию. Лично я предпочитаю использовать концепцию «интересов», которые являются более узнаваемыми и реальными в международных отношениях. Политический национализм, который твердо ссылается на национальные ценности, в настоящее время является тенденцией, которая пытается восстановить позиции, утраченные в обществах после Второй мировой войны, и в долгосрочной перспективе он может представлять угрозу человеческим ценностям. Однако в настоящее время он не обладает достаточно сильными возможностями, чтобы препятствовать культурной глобализации и стремлению к региональной интеграции. Тем не менее в демократических странах он играет роль в политических тендерах, что особенно привлекательно для избирателей, восприимчивых к историческим и эмоциональным спорам.

Как видится будущее на ближайшую, среднюю и отдаленную перспективу? К чему следует стремиться и чего опасаться? Отношения с Россией: безнадежно загублены или есть варианты? Какие на Ваш взгляд наиболее болезненные точки польско-российских отношений?

Я не возьму на себя тщательный прогностический анализ. Прогнозы всегда обременены множеством неизвестных. Однако среди областей, серьезно рассматриваемых учеными мира, несомненно, на передний план выходят дальнейшие последствия процессов глобализации, особенно разрушение природной среды и истощение ресурсов земного шара. Здесь неизбежно возникает спор о том, каково участие человека в этом и каковы последствия его деятельности. Нет никаких сомнений в том, что без изменения нынешних направлений и методов человеческой

деятельности по отношению к природной среде мы столкнемся с самыми опасными климатическими катастрофами и негативными явлениями (такими как коронавирус в настоящее время), с которыми будет трудно бороться в будущем. Противодействие этим угрозам уже требует и еще потребует совместных усилий всех государств и их сообществ, чтобы сдержать их развитие хотя бы в краткосрочной перспективе, не говоря уже о возможности их ликвидации.

Обращаясь к политическим вопросам, кажется, что будущее не очень оптимистично и в этой области. Для меня, как человека, который помнит времена холодной войны и угрозы, связанные с ней, удивительно, что за 30 лет в мире не было сделано ничего, что могло бы приблизить его к ядерному разоружению, наоборот, потраченные на вооружения средства из года в год растут. Лидером в этом отношении являются США, чей оборонный бюджет, согласно официальным данным, в настоящее время составляет 750 млрд долларов США, второе место занимает Китай — 237 млрд долларов США, а Россия 48 млрд долларов США. Ранее я использовал слово «сюрприз/ удивление», потому что во время соперничества оба военных блока обвиняли друг друга в причинах гонки вооружений, особенно ядерной. Поскольку один из центров этой гонки рухнул, а рост расходов на вооружение не уменьшился, а даже увеличился, как и количество международных конфликтов, то встает вопрос: а что реально было причиной гонки вооружений? Каждый гражданин, проявляющий интерес к будущему, должен сам ответить на данный вопрос. Это не означает, что современные государства освобождаются от ответственности за будущее человеческой жизни на земле. Двумя наиболее важными проблемами будущего являются ограничение вредоносной для окружающей среды человеческой деятельности и активизация усилий по всеобщему разоружению, включая, прежде всего, ликвидацию ядерного и химического оружия, которое представляет наибольшую угрозу для жизни. В среднесрочной и краткосрочной перспективах характер отношений с Центральной Европой, включая Польшу, должен измениться. Страны Центральной Европы должны сотрудничать в поддержании мира в этом регионе и углублять экономическое и культурное сотрудничество. Восточная Европа, которая менее стабильна и предсказуема, является проблемой, также как и ее отношения с Россией. Россия, с одной стороны, укрепляя свои военные позиции, повышает свою безопасность, но, с другой стороны, вызывает опасения, особенно в консервативных и неолиберальных кругах в Польше, что означает возврат к возможной зависимости от нее Польши и стран Центральной Европы. Такой ракурс восприятия отношений с Россией приводит к признанию ее в качестве основного субъекта угрозы, который в международных отношениях связан со стремлением подчинить себе

данную часть Европы. Проблему особенно трудно решить, потому что все еще существуют исторические предрассудки среди значительной части политиков и общества, восходящие не только к периоду реального социализма, но и к более раннему времени. Подобные предрассудки сейчас мифологизируются в официальной исторической политике. Это укрепляет убежденность в необходимости усиления трансатлантической политики в Польше и укрепления восточного фланга НАТО. Улучшение отношений между государствами требует доброй воли с обеих сторон, и усилия по ужесточению подходов в долгосрочной перспективе никому не принесет пользы. Исторический опыт малых и средних государств показывает и даже освежает известную поговорку премьер-министра и президента Финляндии Урхо Кекконена, которая также является названием его книги: «Не ищите друзей далеко и врагов рядом». Похоже, что для изменения «разрушенных» отношений Польша может использовать свой хороший опыт в отношениях с Россией, сложившийся в предыдущую эпоху, и делать упор не на экономических санкциях против своего восточного соседа, а на более широком развитии экономических и культурных отношений. Однако это будет непросто с политической точки зрения.

Перевод с польского Р. Лисякевича

Contemporaries about the “Velvet Revolutions” “Visegrad Europe” interview with Jerzy Kornaś

In an interview, Jerzy Kornaś, a well-known Polish political scientist and Head of the Department of political science at the Cracow University of Economics, answers the questions about Poland's political development over the past 30 years, its new role in international relations and relations with Russia. A special place in the conversation is dedicated to the perception of political changes that occurred in Poland during the “Velvet Revolutions” of 1989, as well as to the Polish features of this process and its differences from other Central European cases. The interviewed points to the special influence of the factor of political transformations in the Soviet Union, emphasizing that without Gorbachev's perestroika, radical reforms would not have brought the desired results or would have more conflict character. When speaking about alternative options for transformation after 1989, the scientist notes that the chosen path towards liberal democracy and a market economy in general met the expectations. It met the request of the majority of the population for systemic changes in the socio-economic and socio-political basis of the state structure though at the very beginning of the transformation, the state, governed and based on the leadership and leading role of the Communist party, seemed politically unreformable and economically inefficient. Despite the recent conflicts between Brussels and Warsaw, there remains a positive attitude towards the European Union among Poles. At the same time, Professor Kornaś warns against political nationalism, which is a threat to human values. However, he sees that the impact of globalization and regional integration is much stronger. In the global context, the scientist calls towards limiting human activities harmful to the environment and intensifying efforts towards General disarmament among the main tasks of humanity. As for the Polish-Russian relations, he considers it necessary to use the existing positive experience of cooperation on the basis of cultural and economic interaction.